спускать глаз с»); “*shift from foot to foot*” – «с некоторой неловкостью топтались» (вместо «переступить с ноги на ногу»); “*from the bottom of heart*” – «со всем пылом» (вместо «от всего сердца»). Можно предположить, что трудности, возникающие при переводе полного предложения, несочетаемость фразеологизма с контекстом, заставляют переводчиков передать фразеологическую единицу при помощи лексических средств языка. Также были найдены примеры перевода фразеологизма одним словом: “*chilled to the bone*” – «**похолодел**» (вместо «продрогший до костей»); “*walk back and forth*” – «суеилось» (вместо «ходить взад-вперед»); “*keep tight*” – «помалкивай» (вместо «держат язык за зубами»).

В некоторых случаях вместо использования похожего русского фразеологизма переводчики отдают предпочтение передаче полного содержания оригинала: “*his heart in his mouth*” – «**сердце бьется у него где-то в горле**» (вместо «душа ушла в пятки»); “*as black as jet*” – «**черного, как гагат**» (вместо «черный как смоль», «хоть глаз выколи»).

Из этих примеров видно, что использование нефразеологического перевода имеет две причины: отсутствие фразеологического эквивалента в языке перевода и выбор переводчика не использовать фразеологизм в конкретном предложении.

Итак, мы рассмотрели фразеологию как лингвистическую дисциплину, понятие фразеологизма, его основные признаки. Кроме этого, на примере одного выбранного художественного произведения современной англоязычной литературы нами был проведен анализ и описание особенностей перевода фразеологических единиц. Основная роль при выборе способа принадлежит самому переводчику. Он погружается во всю громадную совокупность реалий чужой культуры, и старается изложить чужие мысли так же ясно и свежо, как они были высказаны, используя при этом всё могущество и богатство языка перевода.

1. Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний = Collins COBUILD Dictionary of Idioms. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. – 752 с.
2. Гейман Н. Звездная пыль. – АСТ, 2017. – 256 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. 396 с.
4. Красавский Н.А. Образы эмоций в русской языковой картине мира // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – 90-94 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Москва, 2000.
6. Поливанов Е.Д. Введение в языковедение для востоковедных вузов. — Л., 1958. – 348 с.
7. Gaiman N. Stardust. – William Morrow, 2016. – 272 с.

Султанбаева Х.В.

Загадка как текст в башкирском языке

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-247

idsp: ljjournal-11-2019-247

Аннотация

В данной статье рассматривается категориальная сущность загадки, которая по своим лингвистическим свойствам по праву может претендовать на статус текста. Раскрываются специфические структурные и языковые особенности башкирских загадок.

Ключевые слова: башкирский язык, фольклор, паремический жанр, загадка, текст.

Abstract

In this article is considered the categorical nature of the riddle, which by its linguistic characteristics, can rightly claim to have the status of a text. Specific structural and language features of the Bashkir riddle are disclosed.

Keywords: Bashkir language, folklore. paremic genre, riddle, text.

Проблема определения категориальной сущности загадки в условиях «язык – речь – произведение» отмечается многими исследователями данного паремического жанра. В работах Г. Л. Пермякова, В. Н. Топорова, В. А. Лукина, М. М. Бахтина, С. Я. Сендеровича и др. мы обнаруживаем аргументы в пользу того положения, что большинство разновидностей загадок могут претендовать на статус текста. При этом отмечаются их: 1) формальная специфика; 2) диалогическая форма; 3) воспроизводимость; 4) гиперорганизация; 5) двухчастность; 6) описательный характер и другие.

Традиционно загадку относят к малым жанрам фольклора. Её специфика состоит в текстовой двухчастности, т.е. загадка включает вопрос, собственно загадку, и ответ (отгадку). Поэтому загадка, даже в древнейших из доступных нам в реконструкции форм, представляет собой двучленную конструкцию. Лингвисты вслед за Аристотелем считают основой загадки метафору: «идея загадки та, что, говоря о действительно существующем, соединяют вместе с тем совершенно невозможное». Далее Аристотель продолжает свою мысль: «Посредством связи общеупотребительных слов достичь этого нельзя, а посредством метафоры возможно». Однако природа переноса по сходству в загадке опирается на устойчивые языковые закономерности, а создаётся в тексте.

Загадку принято считать текстом «минимальным», а потому удобным для выяснения того, что есть текст вообще. Одним из первых в деле изучения загадки как текста был Р. О. Якобсон.

Ю. И. Левин в качестве характерной формальной особенности этого жанра считал обязательное преобразование описываемой ситуации (в вопросе-загадке), а основой внутренней структуры двухчастного текста – неожиданное замещение двойного плана: а) внутри текста загадки-вопроса и б) при переходе от загадки к отгадке [2, с. 291]. А. Н. Журинский видел в подобных переходах изоморфные и неизоморфные преобразования [1, с. 52].

Произведение – это такой этап интерпретации текста, который характеризуется относительной законченностью и активизацией обратных связей ТЕКСТ <— ИНТЕРПРЕТАЦИЯ [3, с. 441]. Эксплицитным ключевым знаком интерпретации всякой загадки, если её рассматривать с позиций загадчика-исполнителя и наблюдателя, является отгадка. Отсюда следует:

- а) текст управляет произведением;
- б) тексту загадки принадлежит столько произведений, сколько у нее имеется отгадок. Текстом же управляет традиция, которой равно подчинены исполнитель-загадчик и получатель-отгадчик.

Поскольку текст загадки – создание коллективной традиции, загадка как произведение – результат коллективной герменевтики, и результат этот фиксируется отгадкой как ключевым знаком загадки-текста. Автор текста и произведения один и тот же – коллективная традиция.

Важным кажется и положение о сложном текстовом статусе, обоснованное В. А. Лукиным, который полагает, что далеко не все загадки могут претендовать на статус текста, поскольку вопросная часть одних обладает текстовой семантикой и поддаётся интерпретации, что и позволяет создать произведение (получить отгадку), а иные загадки не обладают текстовой семантикой вовсе, поскольку их вопросная часть не может быть логически интерпретирована.

Если, основываясь на вопросной части, все множество загадок расположить на воображаемой шкале, то крайние положения на ней займут два рода загадок.

Вопросная часть одних (1) обладает текстовой семантикой, поэтому (2) поддается интерпретации, которая (3) позволяет получить отгадку и таким образом (4) создать произведение [3, с. 443].

Бабай кат-кат тун кейгән, / Сисендерһән, иларһың (һуган).

Вопросная часть загадок, противоположных приведенным, (1) не обладает текстовой семантикой, поэтому (2) не может быть проинтерпретирована, но (3) имеет отгадку, но мотивированную вопросной частью; при этом раз нет интерпретации, то (4) нет и произведения. Нет произведения, следовательно, нет текста, а есть его «речевая маска» (Ц. Тодоров). Это асемантические загадки («учат» не думать – по крайней мере современного отгадчика)

Другими словами, не всякая загадка – текст. Между текстовыми и нетекстовыми загадками расположено неопределенно большое множество промежуточных случаев. Значительная их часть – это загадки, вопросная часть которых, казалось бы, понятна, но отгадка совершенно не ясна, отсутствует «общетекстовая мотивировка» (Г. Л. Пермяков) вопросной части; попытки интерпретации вопросной части не бессмысленны и не бесполезны, но безрезультатны:

Дөбөр-дөбөр дүртәү, төймә казай икәү, Ғәббәс коза япа-яңғыз. (Һыйыр)

Кытыр-кытыр тукмас баҫа, Йомабикә яланда. (Пулемет)

Ары ла сут, бире лә сут, иһи зә, миһи зә. (Һандугас)

Подобные загадки «можно сравнить с общим высказыванием, содержащим только тему, тема – это отгадка, которую мы находим в системе стереотипов (картине мира или модели мира)» [5, с. 195]. Загадка, дополненная ключевым знаком-отгадкой, уже поддается интерпретации (ретроспективной), приобретает свойства текста. Загадка без отгадки если и может рассматриваться в качестве текста, то только тематически недостаточного. Это значит, что адекватная интерпретация вопросной части требует за пределы ее знаковой последовательности.

Нетекстовые загадки в отличие от тематически недостаточных не поддаются ретроспективной интерпретации, не приобретают семантической самодостаточности в случае знания отгадки. Подобные встречаются, например, в русском языке:

Что в избе за бус? (Брус);

Что в избе гадко? (Кадка).

В. В. Митрофанова вслед за В. П. Аникиным считает, что такие загадки обязаны своим происхождением тайной речи, как и те, что основаны на фонетической игре (*Кутька, да лайка, да пипучек. – Кутник, лавка, приступочек*). С утратой получателями-отгадчиками знания кода тайной речи они сближаются, по существу, с пустоговорками, сохраняя иногда «неопределенно выраженную семантику» [4, с. 195].

В конечном счете, это свидетельствует о том, что отгадки нетекстовых загадок не выполняют функцию ключевых знаков (точнее говоря, перестали ее выполнять).

Существенно, что для значительного числа загадок ключевые знаки-отгадки не уникальны относительно вопросной части:

Тауға менер лурт-лурт, таузан төшөр лурт-лурт, өйөнә кайтыр, йокларға ятыр, уны белгәндең гилеме артыр. (Бурһык)

Вопросные части, относящиеся к одному общему знаку-отгадке, как правило, вариативны [3, с. 446].

Ботакһыз урман, ул кайзан булган? (Сәс)

Кара урман, һары урман, урман эсен кем урган? (Сәс)

В конечном счете, множество отношений между загадками как текстами на сегодняшний день не описаны как система: отсутствуют критерии вариативности/инвариативности и семантического сходства между вариантами одной загадки и вариантами разных загадок, критерии сходства между загадками как

инвариантами. Однако текст загадки управляет ее произведением, поэтому нет оснований говорить о системной упорядоченности произведений внутри загадок как класса текстов.

Специфика языка фольклорного текста особенно ярко проявляется при их сопоставлении. Так, подробно сравнивая язык фольклора разных этносов, можно выявить специфические черты национального языка, культуры, менталитета того или иного народа. Изучение языка фольклора позволяет сохранить традиции, поэтические формульные выражения, древнейшие лексические пласты, историю языка, этику, национальную философию.

Таким образом, в настоящее время в области лингвистических исследований открываются новые перспективы в изучении дискурса загадок как особого культурного феномена, раскрывающего своеобразие этнических культур.

С помощью лингвистических исследований загадок, как текст и произведение, можно выявить и понять обучающую модель, характерную для определенной нации.

1. Журинский А.Н. Семантическая структура загадки. – М., 1989. – 126 с.
2. Левин Ю.И. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. – М., 1978. – 293 с.
3. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Издательство «Ось-89», 2005. – 560 с.
4. Митрофанова В.В. Русские народные загадки. – Л.: Наука, 1978. – 180 с.

Таказов Ф.М.

Инициационные практики в нарративных текстах осетинского фольклора

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-248

idsp: lj-11-2019-248

Аннотация

Мотив инициаций относится к наиболее концептуальной составляющей сюжета в нарративных текстах осетинского фольклора. Часто герои в ненавязчивой и неназойливой манере проделывают сложный и опасный путь с испытаниями и символической смертью, становясь участником инициаций. Для понимания причины перехода инициационных обрядов в эпический текст, необходимо учитывать роль нарратива в сакрализации инициаций.

Ключевые слова: нарратив, фольклор, инициации, мифология, космогенез, миротворение

Abstract

The motive of initiations refers to the most conceptual component of the plot in narrative texts of Ossetian folklore. Often heroes in an unobtrusive and unappealing manner make a difficult and dangerous way with trials and symbolic death, becoming a participant in initiations. In order to understand the reason for the transition of initiation rites into epic text, it is necessary to take into account the role of the narrative in sacralization of initiations.

Keywords: Narrative, folklore, initiations, mythology, cosmogenesis, peacemaking

В аспекте генезиса инициации получили в науке достаточное полное освещение. Структура и фазы инициаций впервые были определены А. ванн Геннепом, дальнейшее